

Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования

Бойкина Е.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВПО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

Чиркина Р.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВПО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Проблема преодоления рисков и факторов, порождающих деструктивное поведение несовершеннолетних и молодежи, является актуальной для ювеноальной юридической психологии и требует построения эффективных моделей исследования. В качестве одного из значимых предикторов деструктивного поведения в статье рассматривается феномен остракизма. Согласно модели остракизма К.Д. Вильямса, в ситуации остракизма у индивида нарушаются одна или несколько базовых потребностей: в контроле, самоуважении (снижается уровень самооценки), принадлежности и осмысленном существовании, что, в конечном итоге, может детерминировать у остракируемого радикальные реакции: аутоагрессию, замещённую агрессию, решение вступить в экстремистские организации или культы и другие акты антисоциального поведения. В статье предпринята попытка систематизировать методологию исследования феномена социального остракизма: рассматриваются методы исследования с позиции объекта (цели), субъекта (источника) и наблюдателя остракизма, приводятся описания схем экспериментов.

Ключевые слова: социальный остракизм, исключение, игнорирование, отвержение, деструктивное поведение, методология, Cyberball, O`Cam, O`Train, Ostracism Online, Atimia

Для цитаты: Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 152-170. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100114>

Social ostracism: current state of the problem, methodology and research methods

Ekaterina E. Boykina

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

Rimma V. Chirkina

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

The problem of overcoming the risks and factors that generate destructive (anti-social, delinquent, auto-destructive, etc.) behavior of minors and youth is relevant for juvenile legal psychology and requires the construction of effective research models. The article considers the phenomenon of ostracism as one of the significant predictors of destructive behavior. According to K. D. Williams` ostracism model in a situation of ostracism, one or more basic needs of an individual are threatened: control, self-esteem (the level of self-esteem decreases), belonging and meaningful existence. That, in the end, can determine radical reactions in the ostracized: autoaggression, displaced aggression, the decision to join extremist organizations or cults, and other acts of anti-social behavior. This fact served as an impetus for a large number of studies in this area and mediated the creation of its own methodological base, applicable exclusively to the study of the phenomenon of social ostracism (ignoring, exclusion, rejection). The article attempts to systematize the methodology of studying the phenomenon of social ostracism: research methods are considered not only from the position of the object (target) of ostracism, but also the subject (source) and observer (vicar ostracism); descriptions of experimental schemes are carried out. The article is of interest to researchers who study the psychological aspects of ignoring, rejecting, and / or excluding, as well as to methodologists.

Keywords: social ostracism, exclusion, ignoring, rejection, destructive behavior, methodology, Cyberball, O`Cam, O`Train, Ostracism Online, Atimia.

For citation: Boykina E.E., Chirkina R.V. Social ostracism: current state of the problem, methodology and research methods. *Psikhologiya i pravo*, 2020. Vol. 10, no. 1. p. 152-170. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100114>

Введение

В центре внимания юридической психологии как прикладной науки всегда стоит спектр проблем, связанных с деструктивным девиантным поведением несовершеннолетних и молодежи. Рассматривая различные стороны проблемы через призму практико-ориентированных целей, ученые разных стран ставят перед собой более фундаментальные задачи поиска объяснительных теорий и определения методологических оснований для исследования связей и закономерностей, выявления факторов и детерминант деструктивного поведения, которые позволят практикам разрабатывать эффективные модели и технологии профилактики, коррекции и реабилитации.

Проявления антисоциального, (ауто)агрессивного, делинквентного поведения, склонность вступать в деструктивные (радикальные, экстремистские сообщества, секты, криминальные группировки) ряд исследователей считают реакцией на неопределенность окружающей ситуации и способом ее преодоления, рассматривая особенности идентификационных искажений радикализирующихся индивидов [5]. Деструктивное девиантное поведение рассматривается в контексте клинико-психологических и социально-психологических диагностических признаков,

дифференцирующих различные категории отклоняющегося поведения детей и подростков [6]; в рамках задач разработки инструментов анализа и оценки риска противоправного поведения несовершеннолетних [2, 3] и многих других аспектов. Анализ этих и других исследований показывает, что нарушения поведения часто связаны с фактами переживания ситуаций исключения, игнорирования, отвержения, к которым дети, подростки и молодежь наиболее чувствительны. Именно эту триаду факторов, объединяемых понятием остракизм, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве объяснительного конструкта в исследовании проблематики радикализации и других деструктивных поведенческих паттернов.

Остракизм (игнорирование, исключение, отвержение кого-то кем-то) – признанный значимым и актуальным психологический феномен, встречающийся повсеместно как среди людей, так и у социальных видов животных [1,31,32]. Люди могут подвергаться остракизму как в длительном периоде, так и мимолётно, – некоторые исследования приводят данные о ежедневной статистике игнорирования и/или исключения [14]; остракизм может нарушить физическое и психологическое благополучие индивида, вызывая болезненные негативные эмоции, озлобленность, фрустрацию, агрессию, печаль, чувство одиночества [12,21] и в то же время этот феномен имеет адаптивный эффект, помогая человеку приспособиться к условиям среды и выжить [31,32].

На сегодняшний день исследователи используют понятия «остракизм», «социальный остракизм», «социальное исключение», «отвержение», «игнорирование» по большей части попеременно, несмотря на то, что дебаты о разграничении этих понятий ведутся постоянно [13,22,24,37]. В своей работе, описывающей модель остракизма, К.Д. Вильямс говорит не только об остракизме, как акте игнорирования и исключения, но и об отвержении [31,32]. Отдавая должное научной дискуссии, мы в данной статье будем использовать термин «социальный остракизм», исходя из того, что все обсуждаемые эффекты, реакции, как признают учёные, присущи данному феномену в целом [28].

Из истории исследования социального остракизма

Согласно обзору эмпирических исследований остракизма К. Д. Вильямса и С.А. Ниды [33], ещё в 60-70-х годах прошлого столетия в литературе по социальной психологии можно было найти описание лишь нескольких экспериментов в данной области. Без сомнения, мощный импульс к началу многочисленных экспериментов по изучению остракизма дала работа 1995 года Р.Ф. Баумайстера и М.Р. Лири [8]. Именно в этот период несколько лабораторий независимо друг от друга начинают проявлять интерес к изучению остракизма (К.Д. Вильямс), исключения (Р.Ф. Баумайстер) и отвержения (М.Р. Лири). Учёные приходят к заключению, что «люди зачастую испытывают психологическую и/или физическую боль, когда у них вследствие остракизма нарушается одна из четырёх фундаментальных потребностей: в принадлежности (Baumeister, Leary, 1995), в самоуважении (Steele, 1988), в чувстве контроля (Seligman, 1975) и чувстве осознанного существования (Solomon, Greenberg, 1975)» [33, с. 72]. Здесь необходимо пояснить, что, говоря о потребности в самоуважении, учёные имеют в виду «потребность в сохранении достаточно высокой самооценки», под потребностью в контроле понимается «потребность в восприятии контроля над своим социальным окружением», потребность в осмысленном существовании – это «потребность чувствовать, что другие признают, что ты существуешь и стоишь их внимания» [32, с. 288].

Опираясь на вышеуказанные исследования, в 1997 году К. Д. Вильямс представил научному сообществу свою теоретическую модель остракизма: «The temporal need-threat model of ostracism» – «модель остракизма на основе нарушенных потребностей и с учётом времени его воздействия на индивида», на которую в основном и стали опираться впоследствии исследователи игнорирования, отвержения и исключения в своих работах [13, 22, 26].

Модель остракизма на основе нарушенных потребностей и с учётом времени его воздействия на индивида (К.Д. Вильямс)

В структуре данной модели Вильямс постулирует три стадии ответной реакции на ситуацию остракизма: рефлекторную (немедленную), рефлексивную (копинговую) и резигнации (долгосрочную). Согласно этой модели остракизма, на первой, рефлекторной стадии, как только индивид обнаруживает признаки остракизма, он может ощутить боль, почувствовать печаль, злость, у него снижается уровень удовлетворённости одной или нескольких фундаментальных психологических потребностей (в принадлежности, самоуважении, контроле, осмысленном существовании). При этом степень воздействия остракизма на индивида обнаруживается не только на уровне самоотчета, но и физически осязаема. После первого «укола» остракизма индивид переходит на вторую, рефлексивную стадию, где сосредотачивает усилия на восстановлении своих нарушенных потребностей. Именно на этой стадии происходит принятие решения о стратегии реагирования: антисоциально, просоциально или самоисключиться из причиняющего боль социального взаимодействия. Заключительная стадия – стадия принятия (или резигнации) – наступает в том случае, если процесс остракизма принимает длительный/хронический характер. В этом случае индивид может страдать от чувства отчуждения, впасть в депрессию, испытывать беспомощность и никчемность [1, 4, 19, 21, 31, 32].

О методах исследования социального остракизма

Как показывает анализ схем исследований остракизма [7,11.16, 18, 23], существует ряд методов и даже специальных компьютерных программ, используемых для исследования именно этого феномена. И связано это, прежде всего, с неизменными эксклюзивными задачами их исследовательской схемы: искусственное создание ситуации игнорирования, исключения или отвержения или изучения этих факторов в приложении к объект/субъекту/наблюдателю остракизма. Как показывает практика исследований остракизма, использование стандартизированных опросников, шкал, проективных методик и других методов исследования хоть и не является исключением, но, как правило, занимает незначительную часть батареи методик, применяемых в экспериментах по изучению тех или иных параметров социального остракизма. Таким образом, мы понимаем, что для решения определённой задачи (например, симулирование ситуации остракизма) необходимо наличие определённых «орудий труда» – методик. И в таком случае мы с уверенностью можем утверждать, что для изучения социального остракизма должен существовать специфический набор методик, применяемых для изучения исключительно этого феномена.

В своей работе по разработке и апробации нового метода исследования остракизма, основанного на мотивировании одного индивида к исключению/игнорированию/отвержению другого, С.Л. Гули с коллегами уже предприняли попытку классифицировать методологический аппарат изучения феномена социального остракизма с позиции субъекта [16]. Учёные указали на традиционность в схемах исследования остракизма, когда изучается, главным образом объект (цель), то есть остракируемый индивид (группа), и предложили сменить угол зрения, включив в эту схему, собственно, сам источник – субъект остракизма: «... важно признать тот факт, что остракизм по своей сути является межличностными отношениями, требующими наличия не только цели, но и источника» [там же, с. 411].

Мы возьмём на себя смелость добавить к этой схеме ещё и «третьего» участника взаимодействия в рамках ситуации социального остракизма, а именно: наблюдателя. На сегодняшний день это наименее изученный аспект данного феномена: так называемый викарный остракизм [29] или «третья сторона» в остракизме [17]. В связи с этим, представляется целесообразным рассмотреть методологию изучения остракизма именно по объектно-субъектному признаку.

Учитывая тот факт, что в психологии на данный момент широко используется междисциплинарный подход к построению схем исследований, мы дополнили описанную С.Л. Гули и коллегами схему ещё одним направлением: исследованием с использованием методов функциональной диагностики индивида [10].

Объект (цель) остракизма

«Перекидывание мяча» (Ball tossing)

Одна из первых процедур по симулированию ситуации остракизма (1997 год), в специализированной литературе её чаще называют «минимальной парадигмой исследования», представляла из себя следующее. Три человека ожидали в комнате начала некоего эксперимента, из которых только один – наивный участник, а два других – конфедераты, помощники экспериментатора. Пока все ожидали начала эксперимента, один из конфедератов «неожиданно» замечал находящийся в помещении мяч, брал его и вовлекал остальных участников в игру по перекидыванию друг другу мяча. По ходу этой спонтанной игры конфедераты, согласно плану эксперимента, либо продолжали играть с третьим участником (условия включения), либо постепенно переставали давать тому подачи и играли только вдвоём (условия исключения) [31, 32].

«Кибербол» (Cyberball)

В 2000 году К.Д. Вильямс с коллегами разработали виртуальный аналог «Ball tossing»: программу «Кибербол» (Cyberball), имеющую ряд преимуществ перед своим прототипом. «Кибербол» оказался более эффективным, поскольку не требует участия конфедератов. По данным на 2009 год «в экспериментах с использованием «Кибербола» уже приняли участие более 5000 человек» [33, стр. 72]. Данная программа предоставлена разработчиками для свободного скачивания по ссылке: <http://www.empirisoft.com/cyberball.aspx>.

Если говорить о схеме симуляции ситуации остракизма, то в «Киберболе» вместо стихийно возникающей игры в мяч легенда такова: исследователи информируют участников о том, что их эксперимент с использованием игры «Кибербол», инсталлированной на компьютер, ставит своей целью тренировку навыков ментальной визуализации других участников этой игры. Участникам сообщают, что они играют по сети с двумя, иногда тремя другими участниками, и неважно, кто ловит, кто подаёт виртуальный мяч в этой игре, главное, что эта анимированная игра помогает им визуализировать других участников. Как и в «Ball tossing», участники в ситуации исключения получают лишь 2-3 подачи мяча в начале игры. Обычно игра состоит из 30-50 подач.

«Остракизм в поезде» (O`Train) - ещё один метод симуляции ситуации социального остракизма, который может быть использован исследователями для изучения реакций не только объекта, но субъекта и наблюдателя остракизма. По сценарию в помещении имитируются условия вагона поезда: в несколько рядов ставятся по три стула. Участник, который садится в середину – объект остракизма (или объект включения), участники на 1 и 3 стуле – субъекты, которым экспериментатор накануне даёт определённые инструкции. По легенде все участники изображают обычное общение попутчиков в поезде в течение 5-7 минут, но, начиная со второй минуты, участники на 1 и 3 стульях либо исключают из своей беседы участника №2 (симулирование ситуации остракизма), либо активно вовлекают в беседу (инклюзия). По окончании игры все участники отвечают на вопросы о своих чувствах и нарушенных потребностях. После чего обязательно проводится дебрифинг, в ходе которого экспериментатор раскрывает схему эксперимента [38].

«O`Sam»

Упоминание о другом виде симуляции ситуации исключения и игнорирования, получившей название «O`sam» [11], мы находим в работах немецкого исследователя М. Пфундмайер, которая в ходе серии экспериментов изучала пусковые механизмы антисоциального реагирования на остракизм, а именно проявление индивидом радикальных реакций [18]. Статус остракизма и статус включения во второй части эксперимента конструировались по сценарию: сначала участников просили коротко рассказать о себе перед веб-камерой в присутствии двух других «участников проекта» (конфедератов). Последние создавали ситуации остракизма или включения: в течение 15 секунд внимательно слушали самопрезентацию участника на веб-камеру, затем в течение 75 секунд либо начинали игнорировать его и беседовать между собой, либо продолжали заинтересованно слушать.

«Ostracism Online»

Данный вид симуляции условий остракизма основывается на использовании платформ социальных сетей по принципу Facebook, Twitter и др. В 2014 году группа учёных [15] разработала парадигму «Ostracism Online» для выполнения ряда задач: иметь возможность строго контролировать запрограммированное поведение компьютерных игроков; предложить учёным возможность манипулировать характеристиками социальных групп с учётом задач исследований; иметь возможность накопления данных в режиме он-лайн; быть экологически валидным методом в условиях современного общества.

При использовании «Ostracism Online» участникам сообщают, что они примут участие в решении некой задачи с он-лайн участием группы других участников. На самом деле в данной игре принимает участие только один реальный участник, остальные – это программный код, который отвечает за «поведение» виртуальных участников. Реальный участник заполняет свой профиль: создает аватар и пишет резюме о себе. Затем он имеет возможность ознакомиться с профилями других. В процессе данного виртуального знакомства его просят представить, каковы другие участники в реальной жизни, и поставить «лайк» понравившимся. Количество «лайков», получаемых всеми участниками взаимодействия, визуализируется на экране, и реальный участник видит, кто, включая его самого, сколько оценок получил. Уровень остракизма манипулируется количеством «лайков», которые может получить профиль реального участника.

Исследование остракизма в условиях виртуальной реальности

По мнению современных исследователей [25], разработанные в предыдущие годы минимальные парадигмы изучения остракизма имеют ряд недостатков. Например, создание ситуации остракизма «вживую», «лицом к лицу» всегда требует наличия как минимум ещё двух хорошо подготовленных конфедератов и не позволяет привлечь более одного участника эксперимента за раз. «Киберболу» же не достаёт реалистичности. С учётом этих недостатков в 2012 году исследователи разработали программное обеспечение парадигмы кибер-остракизма с использованием шлема виртуальной реальности, которое предполагает такой же принцип манипулирования ситуацией исключения/включения как и в «Киберболе», но делает это в условиях наиболее приближенных к реальности: сам игрок может двигаться, визуально находиться на игровом поле, двигать рукой для подачи паса, видеть движения фигур других игроков [25].

Исследование остракизма с использованием функциональной диагностики индивида

В ряде исследований учёными были изучены физиологические реакции в актуальной ситуации игнорирования или отвержения или сразу по её завершении. Так ещё в 2004 году Л. Задро провела эксперимент, в ходе которого остракируемые участники во время игры в «Кибербол» были подключены к импедансному кардиографу, аппарату, чувствительному к изменению гемодинамики и позволяющему проводить длительные неинвазивные наблюдения [см. обзор: 31]. В ходе исследования Л. Задро сравнивала уровень показаний на первичной стадии включения, далее на стадии игнорирования и на заключительной стадии повторного включения. Исследование не выявило систематической реакции страха, но обнаружило признаки повышения артериального давления в ситуации остракизма.

Помимо нейроэндокринных реакций [39] исследователями изучались также реакции головного мозга на ситуацию остракизма. В 2003 году Н. Айзенбергер с коллегами провели лабораторные исследования остракизма с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии в процессе игры участников эксперимента в «Кибербол» [10]. Результаты исследования показали, что «вне зависимости от того, был ли остракизм намеренным или ненамеренным, он во всех случаях вызывал активацию участка дорсальной передней поясной коры, который является в головном мозге индикатором физической боли» [31, с. 433]. Правый префронтальный корковый слой показал рост активации, но лишь в случае намеренного остракизма. Данный участок головного мозга отвечает за передачу болевой реакции.

Для исследования остракизма учёные используют также ряд самоотчётных методик: шкалы, опросники, дневники и другие.

Шкала субъективного остракизма (подростки) (OES-A)

Шкала «Ostracism Experience Scale for Adolescents» (OES-A), была разработана коллективом авторов [24] в качестве самоотчётного метода о восприятии подростком остракизма. Шкала включает в себя два фактора: «исключён из» и «игнорирован» социумом. Разные версии шкалы состоят из 19 или 11 утверждений и активно используются в современных исследованиях на подростковых выборках в разных странах.

Для определения уровня нарушенных потребностей индивида в ситуации остракизма (или сразу после неё) с 2001 года учёные активно используют Опросник «Базовые потребности» Primary needs questionnaire, 12 вопросов (по 3 на каждую из 4-х потребностей) [26], «Шкалу нарушенных потребностей» Needs-Threat Scale, 20 утверждений (по 5 на каждую из 4-х потребностей) [9]. В РФ данные шкалы не адаптированы и не валидизированы.

Субъект остракизма

На сегодняшний день субъект (источник) остракизма, то есть тот, кто, собственно, игнорирует, отвергает и/или исключает, изучается в психологии не столь активно, как сам объект. Однако и этот взгляд на социальный остракизм предлагает исследователю ряд интересных методологических решений. Так, ещё в 2000 году К.Д. Вильямс, Ф. Бернири, С. Фолкнер, Н. Джада-Джейн и Дж. Граэ использовали метод дневника для исследования ощущений субъекта остракизма. В течение пяти дней учёные по очереди подвергались остракизму со стороны других участников этой научной группы. Результаты данного эксперимента показали, что быть субъектом остракизма – это неприятно и истощает субъект остракизма когнитивно. Для исследования субъекта остракизма применяется и описанная ранее парадигма «В поезде». Л. Задро, К.Д. Вильямс и Р. Ричардсон в 2000 году провели эксперимент, сценарий которого предполагал две роли для субъектов: они либо игнорировали третьего участника, который сидел между ними, либо спорили с ним или оскорбляли его [см. обзор: 35, с. 499].

Приведённые выше методологические приёмы исследования социального остракизма с позиции его субъекта наглядно демонстрируют, что создание ситуации, когда один индивид будет игнорировать, отвергать и/или исключать другого, вполне реально. И всё же все они имеют один главный недостаток: во всех описанных выше схемах субъекту давались прямые инструкции по остракизму некоего объекта, то есть субъект не поступал так по собственному желанию. Этот факт побудил ряд учёных к разработке новых методов исследования, обеспечивающих мотивацию индивида к остракированию другого индивида.

Одним из таких методов, отвечающих критериям «был мотивирован остракировать» и «не получал инструкций», является метод «направленных воспоминаний», когда участники пишут историю о том, как они игнорировали кого-то своим молчанием [30], или вспоминают случаи отвержения ими кого-либо [20]. Метод направленных воспоминаний безусловно соответствует описанным выше критериям, но также имеет свои ограничения. Н. Шварц, Р.М. Грувс и Х. Шуман ещё в 1998 году обнаружили, что «индивиды в подавляющем большинстве случаев вспоминают высоко эмоциональные события, и опыт остракизма или отвержения, о котором вспоминают участники, может не соответствовать типичному опыту, когда индивид выступает в роли источника остракизма или отвержения» [35, стр. 500].

«Атимия» (Atimia)

В 2015 году Дж. Х. Вирт, М. Дж. Бернштейн и А.С. Лерой разработали компьютерную игру, которую назвали «Atimia», по названию одного из видов наказания граждан античной Греции, у которых имелся долг перед городом Афины. Учёные позиционируют «Атимию» в качестве аналога «Киберболу», но изучающего не объект, а субъект остракизма. «Атимия» позволяет моделировать ситуацию мотивированного остракирования в режиме он-лайн, задействуя несколько участников параллельно. Данная игра адаптивна для программирования контролируемых условий.

По условиям «Атимии» 3 участника группы в он-лайн взаимодействии по очереди (на самом деле реальный участник в группе один, остальные – программные коды) выполняют общую задачу по решению теста отдалённых ассоциаций Медника. В тесте испытуемым предлагаются словесные триады, которые принадлежат к отдалённым ассоциативным областям. Задача участника – найти четвёртое слово, которое объединяло бы его с каждым из этих трёх слов и с каждым из них образовало бы новое словосочетание. Цель игры: как можно быстрее набрать 20 правильных ответов.

Результаты исследования подтвердили гипотезу: реальный участник без предварительных инструкций экспериментатора чаще исключал (не давал право следующего хода) игроку, отвечающему в большинстве случаев неправильно.

Наблюдатель остракизма

Изучение остракизма с точки зрения третьего участника данного взаимодействия, наблюдателя, является на сегодняшний день самым редким. В своей работе о викарном остракизме, так в научной литературе называют остракизм с точки зрения наблюдателя, Э.Д. Вессельманн, К.Д. Вильямс и Э.Х. Хейлс пишут, что им «известно лишь о девяти экспериментальных исследованиях, демонстрирующих викарный остракизм» [24, стр. 19].

С точки зрения методологии викарный остракизм пока не обладает неким эксклюзивным набором методик, разработанных специально для его исследования. Как правило, для изучения викарного остракизма учёные адаптируют уже имеющиеся методы исследования. Так в семи из девяти упомянутых выше исследований использовалась модифицированная версия «Кибербола»: все игроки были запрограммированными, а наблюдателю сообщалось, что он следит за онлайн-игрой реальных игроков [23]. Викарный остракизм также активно изучается с применением МРТ [31]. Немногочисленные исследования викарного остракизма свидетельствуют о том, что при наблюдении остракизма у наблюдателя активируются те же области головного мозга, что и у объекта [30], и зачастую наблюдатель реагирует на наблюдаемый остракизм в просоциальном ключе [28].

Заключение

В последнее десятилетие наметилась стойкая тенденция к разработке специфической методологии исследования субъекта или объекта остракизма. Ряд авторов, однако, указывают на то, что учёные при разработке схемы исследования должны проявлять осторожность и учитывать тот факт, что использование различных парадигм может привести к разным результатам исследований [7]. Сравнительный анализ нарушения базовых потребностей в ситуации остракизма с использованием трёх самых популярных парадигм: «направленных воспоминаний», «Кибербола» и «O`Sam» выявил следующее: «O`Sam» вызывает более сильное нарушение потребностей в принадлежности, контроле и самоуважении, чем направленные воспоминания, и значительно сильнее нарушает потребности в контроле и самоуважении, чем «Кибербол». Таким образом учёные предостерегают от необдуманного выбора методологии исследования остракизма, поскольку, по их мнению, многие исследователи уверены, что «все парадигмы исследования остракизма «одинаковы» и потому применяют их попеременно» [7, стр. 8].

Если говорить о перспективах развития методологии исследования остракизма, то, несмотря на уже накопленный опыт, сами исследователи говорят о необходимости разработки иных валидных методов исследования остракизма, таких как, например, создание парадигм мотивированного остракизма субъектом [16, 35], создания парадигм исследования малоизученного викарного остракизма [29], развития методологической базы на основе дополненной реальности [25]. Полагаем, что самые широкие перспективы в этом отношении открываются перед российскими исследователями феноменов остракизма, поскольку на данный момент с уверенностью можно констатировать наличие сформированной методологической базы исследования и диагностики лишь в области буллинга, который лишь отчасти пересекается с феноменом социального остракизма [1].

Все это делает крайне важным фундаментальное и прикладное изучение феномена остракизма, который, как показывает уже накопленный зарубежными коллегами теоретико-эмпирический массив научного знания в данной области, несёт в себе мощный потенциал для разработки методов профилактики антисоциального, преступного, самоповреждающего поведения.

Литература

1. Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 127–140. doi:10.17759/psylaw.2019090310
2. Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Ошевский Д.С., Александрова Н.А. Оценка риска противоправных действий у детей и подростков: метод. рекомендации. М.: ФГБУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2011. 25 с.
3. Мартынова И.Р. Современные зарубежные направления исследований факторов риска противоправного поведения у несовершеннолетних. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016(6). № 2. С. 41–56. doi: 10.17759/psylaw.2016060204
4. Сыроквашина К.В. Нападения в школах: агрессивные и аутоагрессивные действия несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 3. С. 37–44. doi:10.17759/jmfp.2019080304
5. Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнст-Винтила А., Бовина И.Б. Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 32–40. doi:10.17759/chp.2017130305
6. Чиркина Р.В., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г., Дегтярев А.В., Дебольский М.Г., Воронина А.В. К вопросу обоснования диагностических признаков различных категорий несовершеннолетних с противоправным поведением в контексте деятельности ПМПК [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 1. С. 77–94. doi:10.17759/psylaw.2018080106
7. Are all ostracism experiences equal? A comparison of the autobiographical recall, Cyberball, and O-Cam paradigms Adolescents [Электронный ресурс] Godwin A., [et al.] // Behavior Research Methods. 2013. Vol. 46. Iss. 3. P. 1–8. doi: 10.3758/s13428-013-0408-0
8. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation [Электронный ресурс] // Psychological Bulletin. 1995. Vol. 117. Iss. 3. P. 497–529. doi:10.1037/0033-2909.117.3.497
9. Beest Van I., Williams K. D. When Inclusion Costs and Ostracism Pays, Ostracism Still Hurts [Электронный ресурс] // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91. Iss.5. P. 918–928. doi:10.1037/0022-3514.91.5.918
10. Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion [Электронный ресурс] // Science. 2003. Vol. 302. P. 290–292. doi: 10.1126/science.1089134
11. Goodacre R., Zadro L. O'Cam: A new paradigm for investigating the effects of ostracism [Электронный ресурс] // Behavior Research Methods. 2010. Vol. 42. Iss. 3. P. 768–774. doi: 10.375/BMR.42.3.768
12. Hawkey L.C., Williams K.D., Cacioppo J.T. Responses to ostracism across adulthood [Электронный ресурс] // SCAN. 2010. Vol. 6. P. 234–243. doi: 10.1093/scan/nsq045
13. If you can't join them, beat them: effects of social exclusion on aggressive behavior [Электронный ресурс] Twenge J.M., [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. Vol. 81. Iss. 6. P. 1058–1069. doi: 10.1037//0022-3514.81.6.1058
14. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize [Электронный ресурс] Nezlek J. B., [et al.] // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. P. 432–451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351

15. Ostracism Online: A social media ostracism paradigm [Электронный ресурс] Wolf W., [et al.] // Behavior Research Methods. 2014. doi: 10.3758/s13428-014-0475-x
16. Ostracizing for a Reason: A Novel Source Paradigm for Examining the Nature and Consequences of Motivated Ostracism [Электронный ресурс] Gooly S.L., [et al.] // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. P. 410–431. doi:10.1080/00224545.2015.1060933
17. Over H., Carpenter M. Priming third-party ostracism increases affiliative imitation in children [Электронный ресурс] // Developmental Science. 2009. Vol. 12. Iss. 3. P. 1–8. doi: 10.1111/j.1467-7687.2008.00820.x
18. Pfundmair M. Ostracism promotes a terroristic mindset [Электронный ресурс] // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. 2018. P. 1–15. doi: 10.1080/19434472.2018.1443965
19. Psychological flexibility and ostracism: Experiential avoidance rather than cognitive fusion moderates distress from perceived ostracism over time [Электронный ресурс] Tindall I., [et al.] // Journal of Contextual Behavioral Science. 2018. doi: 10.1016/j.jcbs/2018/02/001
20. Rejecting another pains the self: The impact of perceived future rejection [Электронный ресурс] Chen Z., [et al.] // Journal of Experimental Social Psychology. 2014. Vol. 50. P. 225–233. doi: 10.1016/j.jesp.2013.10.007
21. Ren D., Wesselmann E.D., Williams K.D. Hurt people hurt people: ostracism and aggression [Электронный ресурс] // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 19. P. 34–38. doi: 10.1016/j.copsy.2017.03.026
22. Schaafsma J., Williams K. D. Exclusion, intergroup hostility, and religious fundamentalism [Электронный ресурс] // Journal of Experimental Social Psychology. 2012. Vol. 48. P. 829–837. doi: 10.1016/j.jesp.2012.02.015
23. Social media ostracism: The effects of being excluded online [Электронный ресурс] Schneider F.M., [et al.] // Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 73. P. 385–393. doi: 10.1016/j.chb.2017.03.052
24. Validation of the Ostracism Experience Scale for Adolescents [Электронный ресурс] Gilman R., [et al.] // Psychological Assessment. 2012. Vol. 25. Iss. 2. P. 319–330. doi: 10.1037/a0030913
25. Virtually Ostracized: Studying Ostracism in Immersive Virtual Environments [Электронный ресурс] Kassner M.P., [et al.] // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2012. Vol. 12. Iss. 8. P. 399–403. doi: 10.1089/cyber.2012.0113
26. Waldeck D. Qualitative Research with Participants Suffering From Ostracism: A Practical Guide For the Novice Researcher [Электронный ресурс] // The Qualitative Report. 2017. Vol. 22. Iss. 7. P. 1744–1758. URL:<http://nsuworks.nova.edu/tqr/vol.22/iss7/1> (дата обращения: 22.01.2018)
27. Wesselmann E.D., Bagg D., Williams K.D. «I feel your pain»: the effects of observing ostracism on the ostracism detection system [Электронный ресурс] // Journal of Experimental Social Psychology. 2009. Vol. 45. Iss. 6. P. 1308–1311. doi: 10.1016/j.jesp.2009.08.003
28. Wesselmann E.D., Ren D., Williams K.D. Motivations for responses to ostracism [Электронный ресурс] // Frontiers in Psychology. Cognitive Science. 2015. Vol. 6. P. 1–5. doi: 10.3389/fpsyg.2015.00040
29. Wesselmann E.D., Williams K.D., Hales A.H. Vicarious ostracism [Электронный ресурс] // Frontiers in human neuroscience. 2013. Vol. 7. Iss. 153. P. 1–2. doi: 10.3389/fnhum.2013.00153
30. When silence speaks louder than words: Explorations into the intrapsychic and interpersonal consequences of social ostracism [Электронный ресурс] Sommer K. L., [et al.] // Basic and Applied Social Psychology. 2001. Vol. 23. P. 225–243. doi: 10.1207/S15324834BASP2304_1
31. Williams K. D. Ostracism [Электронный ресурс] // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425–452. doi: 10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
32. Williams K. D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model [Электронный ресурс] // Advances in Experimental Social Psychology. 2009. Vol. 41. P. 275–314. doi: 10.1016/S0065-2601(08)00406-1

33. Williams K. D., Nida S.A. Ostracism: Consequences and Coping [Электронный ресурс] // Current Direction in Psychological Science. 2011. Vol. 20. Iss. 2. P. 71–75. doi: 10.1177/0963721411402480
34. Williams K. D., Zadro L. Ostracism: On being ignored, excluded, and rejected [Электронный ресурс] // In M. R. Leary (Ed.), Interpersonal rejection. New York, NY: Oxford University Press. 2001. P. 21–53. doi: 10.1093/acprof:oso/9780195130157.003.0002
35. Wirth J.H., Bernstein M.J., Leroy A.S. Atimia: A New Paradigm for Investigating How Individuals Feel When Ostracizing Others [Электронный ресурс] // The Journal of Social Psychology. 2015. Vol. 155. P. 497–514. doi: 10.1080/00224545.2015.1060934
36. Witnessing peer rejection during early adolescence: neural correlates of empathy for experiences of social exclusion [Электронный ресурс] Masten C.L., [et al.] Social Neuroscience. 2010. Vol. 5. Iss. 5–6. P. 496–507. doi: 10.1080/17470919.2010.490673
37. Wölfer R., Scheithauer H. Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion [Электронный ресурс] // Journal Social Influence. 2013. Vol. 8. Iss. 4. P. 217–236. doi: 10.1080/15534510.2012.706233
38. Zadro L., Williams K.D., Richardson R. Riding the `O` Train: Comparing the Effects of Ostracism and Verbal Dispute on Targets and Sources [Электронный ресурс] // Group Processes and Intergroup Relations. 2005. Vol. 8. Iss. 2. P. 125–143. doi: 10/1177/1368430205051062
39. Zwolinski J. Psychological and neuroendocrine reactivity to ostracism [Электронный ресурс] // Aggressive behavior. 2012. Vol. 38. P. 108–125. doi: 10.1002/ab.21411

References

1. Boykina E.E. Ostrakizm i rodstvennye fenomeny: obzor zarubezhnyh issledovanij [Elektronnyj resurs] [Ostracism and related phenomena: review of foreign studies]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2019, Vol. 9, no. 3. pp.127-140. doi: 10.17759/psylaw.2019090310 (In Russ.; Abstr. in Engl.)
2. Dozorčeva E.G., Badmaeva V.D., Oshevskij D.S., Aleksandrova N.A. Ocenka riska protivopravnyh dejstvij u detej i podroستkov: metod. rekomendacii. M.: FGBU «GNCSSP imeni V.P. Serbskogo» Minzdravsocrazvitiya Rossii, 2011. p. 25
3. Martynova I.R. Sovremennye zarubezhnye napravleniya issledovanij faktorov riska protivopravnogo povedeniya u nesovershennoletnih [Elektronnyj resurs] [Present-day foreign directions of researches of risk factors of unlawful behavior among minors] Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2016, Vol. 6, no.2 pp.41-56. doi: 10.17759/psylaw.2016060104 (In Russ.; Abstr. in Engl.)
4. Syrovkashina K.V. Napadeniya v shkolah: agressivnye i autoagressivnye dejstviya nesovershennoletnih [Elektronnyj resurs] [School attacks: aggressive and auto-aggressive actions of juveniles] Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya [Journal of Modern Foreign Psychology], 2019. Vol.8, no. 3, pp. 37–44. doi:10.17759/jmfp.2019080304 (In Russ.; Abstr. in Engl.)
5. Tihonova A.D., Dvoryanchikov N.V., Ernst-Vintila A., Bovina I.B. Radikalizaciya v podroستkovomolodezhnoj srede: v poiskah ob"yasnitel'noj skhemy [Elektronnyj resurs] [Radicalisation of Adolescents and Youth: In Search of Explanations] Kul'turno-istoricheskaya psihologiya [Cultural-Historical Psychology], 2017. Vol. 13, no. 3, pp. 32–40. doi:10.17759/chp.2017130305. (In Russ., abstr. in Engl.)
6. Chirkina R.V., Delibalt V.V., Dozorčeva E.G., Degtyarev A.V., Debol'skij M.G., Voronina A.V. K voprosu obosnovaniya diagnosticheskikh priznakov razlichnyh kategorij nesovershennoletnih s protivopravnym povedeniem v kontekste deyatel'nosti PMPK [Elektronnyj resurs] [About the substantiation of diagnostic indices in different categories of juveniles with delinquent behavior within the authority of the psychological, medical and educational committee]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018, Vol. 8, no. 1. pp.77-94. doi: 10.17759/psylaw.2018080106 (In Russ., abstr. in Engl.)

7. Godwin A. et al. Are all ostracism experiences equal? A comparison of the autobiographical recall, Cyberball, and O-Cam paradigms Adolescents. *Behavior Research Method*, 2013, vol. 46, no. 3, pp. 1–8. doi: 10.3758/s13428-013-0408-0
8. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*, 1995, vol. 117, no. 3, pp. 497–529. doi:10.1037/0033-2909.117.3.497
9. Beest Van I., Williams K. D. When Inclusion Costs and Ostracism Pays, Ostracism Still Hurts. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, vol. 91, no. 5, pp. 918–928. doi:10.1037/0022-3514.91.5.918
10. Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion. *Science*, 2003, vol. 302, pp. 290–292. doi: 10.1126/science.1089134
11. Goodacre R., Zadro L. O`Cam: A new paradigm for investigating the effects of ostracism. *Behavior Research Methods*, 2010, vol. 42, no. 3, pp. 768–774. doi: 10.375/BMR.42.3.768
12. Hawkey L.C., Williams K.D., Cacioppo J.T. Responses to ostracism across adulthood. *SCAN*, 2010, vol. 6, pp. 234–243. doi: 10.1093/scan/nsq045
13. Twenge J.M. et al. If you can't join them, beat them: effects of social exclusion on aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2001, vol. 81, no. 6, pp. 1058–1069. doi: 10.1037//0022-3514.81.6.1058
14. Nezlek J. B. et al. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize. *The Journal of Social Psychology*, 2015, vol. 155, pp. 432-451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351
15. Wolf W. et al. Ostracism Online: A social media ostracism paradigm. *Behavior Research Methods*, 2014. doi: 10.3758/s13428-014-0475-x
16. Gooley S.L. et al. Ostracizing for a Reason: A Novel Source Paradigm for Examining the Nature and Consequences of Motivated Ostracism. *The Journal of Social Psychology*, 2015, vol. 155, pp. 410–431. doi:10.1080/00224545.2015.1060933
17. Over H., Carpenter M. Priming third-party ostracism increases affiliative imitation in children. *Developmental Science*, 2009, vol. 12., no. 3, pp. 1–8. doi: 10.1111/j.1467-7687.2008.00820.x
18. Pfundmair M. Ostracism promotes a terroristic mindset. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2018, pp. 1–15. doi: 10.1080/19434472.2018.1443965
19. Tindall I. et al. Psychological flexibility and ostracism: Experiential avoidance rather than cognitive fusion moderates distress from perceived ostracism over time. *Journal of Contextual Behavioral Science*, 2018. doi: 10.1016/j.jcbs/2018/02/001
20. Chen Z. et al. Rejecting another pains the self: The impact of perceived future rejection. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2014, vol. 50, pp. 225–233. doi: 10.1016/j.jesp.2013.10.007
21. Ren D., Wesselmann E.D., Williams K.D. Hurt people hurt people: ostracism and aggression. *Current Opinion in Psychology*, 2018, vol. 19, pp. 34–38. doi: 10.1016/j.copsy.2017.03.026
22. Schaafsma J., Williams K. D. Exclusion, intergroup hostility, and religious fundamentalism. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2012, vol. 48, pp. 829–837. doi: 10.1016/j.jesp.2012.02.015
23. Schneider F.M. et al. Social media ostracism: The effects of being excluded online. *Computers in Human Behavior*, 2017, vol. 73, pp. 385–393. doi: 10.1016/j.chb.2017.03.052
24. Gilman R. et al. Validation of the Ostracism Experience Scale for Adolescents. *Psychological Assessment*, 2012, vol. 25, no. 2, pp. 319–330. doi: 10.1037/a0030913
25. Kassner M.P. et al. Virtually Ostracized: Studying Ostracism in Immersive Virtual Environments. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2012, vol. 12, no. 8, pp. 399–403. doi: 10.1089/cyber.2012.0113
26. Waldeck D. Qualitative Research with Participants Suffering From Ostracism: A Practical Guide For the Novice Researcher. *The Qualitative Report*, 2017, vol. 22, no. 7, pp. 1744–1758. URL:<http://nsuworks.nova.edu/tqr/vol.22/iss7/1> (accessed 22.01.2018)

27. Wesselmann E.D., Bagg D., Williams K.D. «I feel your pain»: the effects of observing ostracism on the ostracism detection system. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2009, vol. 45, no. 6, pp. 1308–1311. doi: 10.1016/j.jesp.2009.08.003
28. Wesselmann E.D., Ren D., Williams K.D. Motivations for responses to ostracism. *Frontiers in Psychology. Cognitive Science*, 2015, vol. 6, pp. 1–5. doi: 10.3389/fpsyg.2015.00040
29. Wesselmann E.D., Williams K.D., Hales A.H. Vicarious ostracism. *Frontiers in human neuroscience*, 2013, vol. 7, no. 153, pp. 1–2. doi: 10.3389/fnhum.2013.00153
30. Sommer K. L. et al. When silence speaks louder than words: Explorations into the intrapsychic and interpersonal consequences of social ostracism. *Basic and Applied Social Psychology*, 2001, vol. 23, pp. 225–243. doi: 10.1207/S15324834BASP2304_1
31. Williams K. D. Ostracism. *The Annual Review of Psychology*, 2007, vol. 58, pp. 425–452. doi: 10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
32. Williams K. D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2009, vol. 41, pp. 275–314. doi: 10.1016/S0065-2601(08)00406-1
33. Williams K. D., Nida S.A. Ostracism: Consequences and Coping. *Current Direction in Psychological Science*, 2011, vol. 20, no. 2, pp. 71–75. doi: 10.1177/0963721411402480
34. Williams K. D., Zadro L. Ostracism: On being ignored, excluded, and rejected. In M. R. Leary (Ed.), *Interpersonal rejection*. New York, NY: Oxford University Press, 2001, pp. 21–53. doi: 10.1093/acprof:oso/9780195130157.003.0002
35. Wirth J.H., Bernstein M.J., Leroy A.S. Atimia: A New Paradigm for Investigating How Individuals Feel When Ostracizing Others. *The Journal of Social Psychology*, 2015, vol. 155, pp. 497–514. doi: 10.1080/00224545.2015.1060934
36. Masten C.L. et al. Witnessing peer rejection during early adolescence: neural correlates of empathy for experiences of social exclusion. *Social Neuroscience*, 2010, vol. 5, no. 5–6, pp. 496–507. doi: 10.1080/17470919.2010.490673
37. Wölfer R., Scheithauer H. Ostracism in Childhood and Adolescence: Emotional, Cognitive, and Behavioral Effects of Social exclusion. *Journal Social Influence*, 2013, vol. 8, no. 4, pp. 217–236. doi: 10.1080/15534510.2012.706233
38. Zadro L., Williams K.D., Richardson R. Riding the `O` Train: Comparing the Effects of Ostracism and Verbal Dispute on Targets and Sources. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2005, vol. 8, no. 2, pp. 125–143. doi: 10.1177/1368430205051062
39. Zwolinski J. Psychological and neuroendocrine reactivity to ostracism. *Aggressive behavior*, 2012, vol. 38, pp. 108–125. doi: 10.1002/ab.21411